

Свѣтлячокъ

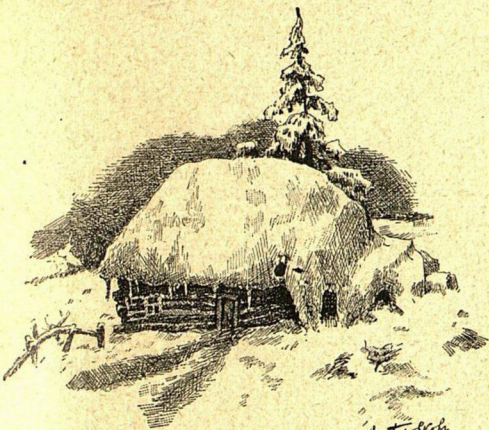
1902 г.

№ 4.

Государственная
Библиотека
им. В. И. Ленина

Негодный медвѣжонокъ.

— Вотъ говорятъ — лиса хитрая, лиса воровка, хищный звѣрь, — а я вонъ какъ о васъ забочусь?..

И старая лисица подвела за ухо къ двумъ ста-

рымъ медвѣдямъ маленькаго медвѣжонка.

Старый медвѣдь и медвѣдица были поражены. Ихъ сынишка медвѣжонокъ стоялъ передъ ними взъерошенный, невылизанный; штанишки на немъ были перематы.

— Гдѣ это ты такъ отдѣлался? — вскрикнули медвѣдь съ медвѣдицей.

— Да, вотъ, — не унималась лиса, — добейтесь отъ него толку. Молчить, словно нѣмой... Ну же, говори, медвѣдице! Слышишь?

Но медвѣжонокъ упорно молчалъ, потушивъ

глаза, и словно большой медвѣдь важно переступалъ съ лапы на лапу.

— Гдѣ вы его, лисичка, нашли?—спросилъ отецъ.

— Ахъ, господинъ медвѣдь! Иду я лѣсомъ, гляжу—на дубѣ на вѣтви сидитъ вашъ озорникъ и носомъ поводитъ,—нюхаетъ что-то. Я кричу:—„Что тамъ такой?“—А онъ самымъ грубымъ образомъ отвѣчаетъ: —„А тебѣ какое дѣло? Проходи своей дорогой!“ А? какъ вамъ это нравится. Ну, я его живо стащила внизъ,—онъ все молчитъ. И что я съ нимъ не дѣлала только!.. За уши его потаскала; каюсь, и прутикомъ постегала,—онъ все молчитъ и молчитъ. Постращайте его хорошенько; пусть-ка онъ сознается, въ чемъ было дѣло; ужъ онъ неспроста воздухъ нюхалъ.

— Говори!—рявкнулъ на сына старый медвѣдь.

— Скажи, дитяtko,—чуть поласковѣе добавила медвѣдица.

Но медвѣжонокъ молчалъ и все переступалъ съ лапы на лапу.

— Ну, неслухъ!—разсердилась вдругъ лиса, и даже шерсть у нея дыбомъ стала,—да я бы на вашемъ мѣстѣ на сутки его въ дупло

Негодный медвѣжонокъ.

заперла, на хлѣбъ да на воду, а то и просто высѣкла бы!..

И она, щелкая зубами съ досады, что ничего такъ-таки и не развѣдала, повернулась уходить и крикнула на прощанье:

— Нечего сказать, хорошо вы, господа медвѣди, сына воспитываете! Вотъ вырастетъ и будетъ грубіянь и невѣжа. Скоро порядочные звѣри и знаться-то съ вами не будутъ, вотъ что!

— Да что же мнѣ съ нимъ дѣлать!—въ отчаяніи сказалъ старый медвѣдь.—Я тебя на годъ въ дупло законопачу, если не скажешь!—крикнулъ онъ сыну,—да еще изволь передъ тетенькой извиниться, вотъ что!..

Но медвѣжонокъ молчалъ.

— Онъ никуда не годится!—произнесла свой приговоръ лиса, взмахнула хвостомъ и рысцой побѣжала въ лѣсъ.

— И точно, никуда не годится, невѣжа!—сказалъ папаша-медвѣдь.

Только медвѣдица молчала и съ любовью глядѣла на своего лохматаго, взьерошеннаго медвѣжонка.

А когда шаги лисицы смолкли вдали,—маленькій медвѣжонокъ вдругъ поднялъ голову и жалобно пробормоталъ сквозь слезы:

— Не сердитесь, папашенька... Я не хотѣлъ сказать этого при лисѣ... я... нашель... тамъ, на дубѣ, дупло, въ дуплѣ-то улей, а въ немъ медъ, много меду; но вѣдь, если сказать это при лисѣ,—сейчасъ бы узнали объ этомъ во всемъ лѣсу, и вамъ бы ничего не досталось, а теперь...

Папаша-медвѣдь остолбенѣлъ отъ неожиданности и вдругъ заревѣлъ отъ радости и обнялъ медвѣжонка.

— Сынъ мой!.. Ты истинный медвѣдь... Простъ, твердъ и себѣ на умѣ,—сердце у тебя золотое. Спасибо тебѣ, медвѣдище!.. Мамаша! А?.. Вѣдь будетъ изъ него толкъ, какъ ты думаешь? А лиса-то, лиса! Хо-хо-хо.

И онъ загремѣлъ богатырскимъ смѣхомъ на весь лѣсъ,—такъ что только гуль пошелъ. А мамаша смотрѣла на своего ненагляднаго Мишку и думала:

— „Я всегда знала, что въ нашемъ роду умѣютъ хранить тайну и твердо стоять на своемъ“.

Н. Далинъ.

Вотъ такъ бомба!

„Закатали мы бомбу прекрасную,
„Встрѣчу сдѣлать хотимъ мы ужасную
„Нашимъ грознымъ и лютымъ врагамъ.
„Мы не въ крѣпости, не въ укрѣпленіи,—
„А отпоръ будетъ—наше почтеніе,—
„Убѣгайте—пощады нѣтъ вамъ!..“
Такъ рѣшили въ тиши заговорщики,
Но они были страшные спорщики
И поспорили между собой;
Каждый хочетъ стрѣлять одинѣшенекъ,
Но нѣтъ силъ сладить съ бомбой,—слабѣшенекъ,—
А враги ужъ собрались гурьбой
И снѣжками ихъ потчуютъ весело.
Наша рота носы-то повѣсила,
Еле ноги домой убрала.
Имъ бы дружно стоять, въ соглашеніи,
Бомба вышла—мое вамъ почтеніе,—
И враговъ разогнать бы могла.

В. О.

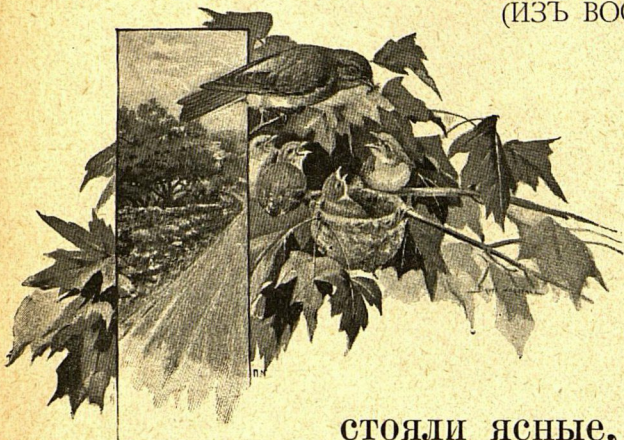

Вотъ такъ бомба!

Крапивнички *).

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДѢТСТВА.)

Пришло лѣто. Въ саду у насъ было дивно хорошо: цвѣли цвѣты, деревья густо одѣлись зелеными листьями, дни стояли ясные, жаркіе... Но у насъ, дѣтей, было свое горе: мы потеряли изъ вида крапивничка и „крапивочку“. Мы искали ихъ цѣлыми днями, но не находили. И не мудрено: садъ заросъ очень густо, и въ чащѣ трудно было разглядѣть нашихъ крошекъ. Иногда намъ казалось, что мы слышимъ ихъ пѣніе, похожее на звукъ серебряныхъ, колокольчиковъ, но птичекъ не было видно. Я же думаю, что каждому человѣку тяжело не видѣться съ любимыми друзьями,—то же испытали и мы.

*) Окончаніе.—См. „Свѣтлячокъ“, № 3-й.

— Понятно, жаль,—говорила Ирочка и даже всплакнула.

Впрочемъ, скоро пришла и радость. Однажды я и Оля играли въ саду въ крокетъ. Откуда ни возьмись, примчалась Ирочка, запыхавшаяся, красная, едва переводившая духъ. Она долго не могла отдышаться и начать говорить.

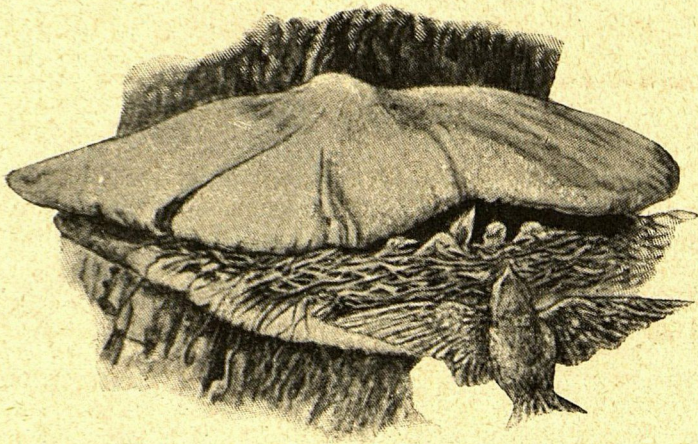
— Такое видѣла... Такое... Отъ радости съ ума сойдете!!—прокричала она и, махнувъ намъ рукой, помчалась обратно по дорожкѣ.

Наши сердца забились радостнымъ предчувствіемъ. Мы побѣжали за сестрой. Она остановилась въ березовой рощѣ, около старой березы, и погрозила намъ... Мы остановились тоже. Она пошла на ципочкахъ, крадучись. Мы пошли такъ же.

— Тише, Оля и Лена... Не говорите... Тутъ такое... Съ ума сойдете отъ радости,—прошептала Ирочка и указала рукой на березу.

Дѣйствительно, когда мы *это* увидѣли, то у меня по спинѣ забѣгали мурашки и такъ забилось сердце, что чуть не выпрыгнуло. Оля сложила руки, точно собралась молиться Богу, а у Ирочки на глазахъ показались слезы.

Представьте себѣ: на стволѣ огромной старой березы выросъ грибъ; это былъ большой, твердый, какъ камень, грибъ, какіе часто растутъ на деревьяхъ. Грибъ этотъ раскололся пополамъ, и изъ его середины выглядывали пять очаровательныхъ желтыхъ головокъ. Крошеч-

ные птенчики жалобно пищали и раскрывали рты. А рядомъ на вѣткѣ сидѣли наши милые крапивнички съ червяками во рту. Можетъ ли быть что-нибудь лучше такой картины?

„Крапивочка“ жалобно пискнула и уронила изо рта червячка.

— Милая умница, она испугалась насъ,— шопотомъ проговорила Оля.

— Спрячемтесь скорѣе,—предложила я.

— Не бойся, крапивочка, мы не сдѣлаемъ ничего дурного твоимъ дѣткамъ,—шептала Ирочка.

Мы зашли за дерево, сѣли на траву и долго сидѣли не шелохнувшись.

Наша малютка-мама, пугливо озираясь, подлетѣла къ своему странному гнѣздышку и покормила изо рта дѣтокъ; то же сдѣлалъ и папа-крапивникъ; дѣти, вѣроятно, были голодны, кричали и раскрывали рты. Папа и мама отыскивали пищу и совали имъ во рты; долго они ихъ кормили. Намъ показалось, что крапивнички никогда еще не были такъ веселы, никогда не прыгали такъ радостно, какъ въ этотъ день. Еще бы: у нихъ были такія славныя дѣтки.

Мы рассказали всѣмъ въ домѣ о нашей находкѣ; всѣ старшіе ходили смотрѣть чудное гнѣздышко въ грибѣ и восхищались имъ.

Въ этотъ день Витя уѣхалъ съ папой въ городъ, и мы нетерпѣливо ожидали его. Мы пошли ихъ встрѣчать на шоссе, чтобы скорѣе сообщить нашу радость.

Какъ только мы завидѣли папу и брата, то закричали всѣ наперерывъ:

— Что мы нашли! Что мы нашли! Пред-

ставить себѣ не можете... Витечка, съ ума сойдешь отъ радости...

— Грибокъ... Крошечку... — вырвалось у Ирочки.

— Ну, Ира, длинный у тебя языкъ: никогда не можешь удержаться! — упрекнула ее Оля.

— Ничего не понимаю! Вы такъ таранти-те, милыя сестрички... Какой грибокъ? Какую крошечку? — смѣясь, спрашивалъ Витя, здороваясь съ нами.

— Онѣ, навѣрно, нашли первый маленькій грибъ боровикъ, — сказалъ папа.

Мы весело расхохотались и захлопали въ ладоши.

— Вотъ и не отгадалъ, папа! Не отгадалъ!.. Это такой грибокъ, какого никто никогда на свѣтѣ не видалъ, — заявила Оля.

Ира громко закричала:

— Я скажу, я не могу больше молчать... Крапивочка...

Мы всѣ ее перебили и закричали на разные голоса:

— Крапивочка нашла грибъ на березѣ и свила въ грибѣ гнѣздо.

— Рассказываютъ какія-то чудеса? — проговорилъ Витя, соскочилъ съ экипажа и побѣ-

жаль въ садъ; мы—за нимъ, и скоро всѣ были въ березовой рощѣ.

Братъ долго смотрѣлъ на гнѣздышко и качалъ головой, а мы не спускали съ него восхищенныхъ глазъ. Мы такъ гордились, что теперь мы, дѣвочки, а не онъ отыскивали такую рѣдкостную находку.

— Да, умны наши крапивнички! Оригинальный домъ выстроили... Знаете, сестрички, надо его оберегать, чтобы не узналъ какой-нибудь злой мальчишка. Вы не болтайте!—предостерегалъ насъ Витя.

— Мы станемъ его караулить, беречь... Мы никому не скажемъ...—обѣщали мы.

Однако, трудно было исполнить наше обѣщаніе.

На другой день насъ ожидало страшное горе. Когда мы утромъ прибѣжали въ березовую рощу,—мы не нашли ни грибка, ни гнѣзда крапивничковъ, ни нашихъ птичекъ... Ихъ, навѣрно, унесли злые мальчишки. Невозможно передать, какъ плакали и горевали мы, какъ упрекали себя, что поздно встали и не сберегли гнѣздышко. Ирочка упала на траву и, рыдая, повторяла: „Понятно, жаль, понятно, жаль“.

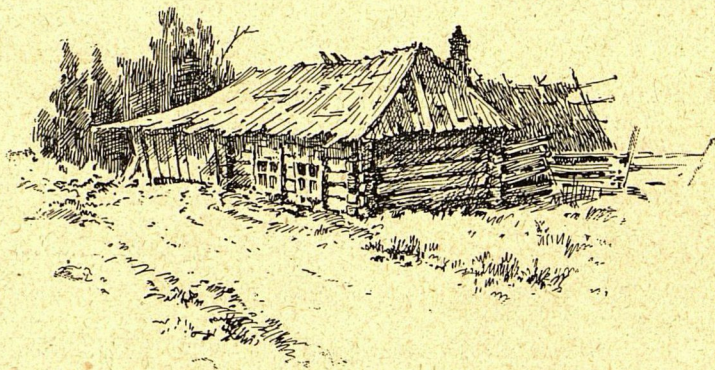
Пришла мама, утѣшала насъ и горевала вмѣ-

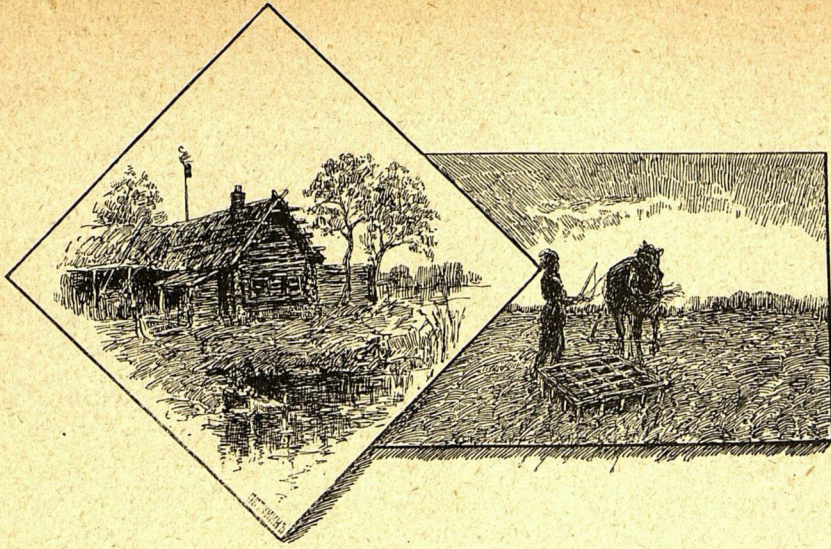
стѣ съ нами. Витя куда-то скрылся и пришелъ съ красными, опухшими глазами. Всѣ насъ жалѣли.

И зачѣмъ только на свѣтѣ есть злые мальчишки, которые обижаютъ беззащитныхъ птичекъ!

Мы не видѣли больше нашихъ крапивничковъ, но часто вспоминали ихъ. Мы дали себѣ слово—всегда оберегать и защищать маленькихъ птичекъ и вставать раньше, что и исполнили.

Клавдія Лукашевичъ.

Вечеръ.

Солнце сѣло; догораетъ
Зорька ясная за боромъ;
И на смѣну выплываетъ
Мѣсяцъ медленно съ дозоромъ.

Дышетъ озеро прохладой,
Все туманами объято;
Разогнали уже стадо
По дворамъ, клѣтямъ ребята.

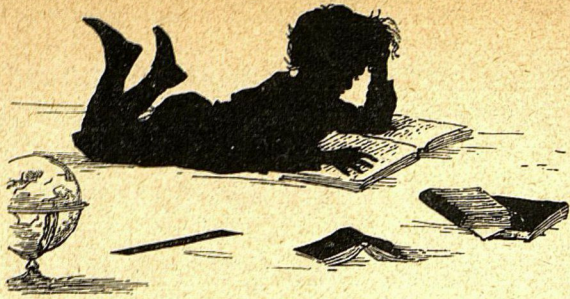
Пахарь ѣдетъ съ пашни тучной,
Пѣсню тихо напѣвая,
И позвякиваетъ звучно
Мать-соха его родная.

„Ой, ты сошка!—потрудиться
„Довелось намъ власть съ тобою.
„Будемъ хлѣбомъ мы дѣлиться
„И съ сосѣдями зимою,

—
„И на дворъ ужъ не посмѣетъ
„Заглянуть къ намъ горе-лихо!..“
Даль ясна... Заря блѣднѣетъ,
Въ сердцѣ, въ полѣ—тихо-тихо...

А. Муравьевъ.

Гуси-кормильцы.

(изъ жизни маленькихъ тружениковъ).

Рано утромъ маленькій Конрадъ подошелъ къ низенькому старому дому въ предместьи Берлина, Руммельсбургъ, и осторожно стукнулъ въ окно.

— Сейчасъ выйду, Конрадъ,— я ужъ тебя жду!— отвѣтилъ голосъ изъ-за окна.

Мальчикъ присѣлъ прямо на мостовой, поставилъ около себя большую корзину и сталъ ждать.

Черезъ минуту маленькая дѣвочка выбѣжала изъ воротъ.

— Я готова, Конрадъ,— сказала она,— идемъ.

У дѣвочки тоже была въ рукахъ корзина.

Конрадъ поспѣшно всталъ, и они большими шагами пошли вдоль по улицѣ.

Дорогой дѣти говорили, какъ большіе, о своихъ дѣлахъ,— хотя Конраду было только лѣтъ восемь, а Гретхенъ и того меньше.

— Бабушка все хвораетъ,— говорила Гретхенъ,— а у насъ и такъ всего въ обрѣзъ. Мама просто не знаетъ, чѣмъ и жить!

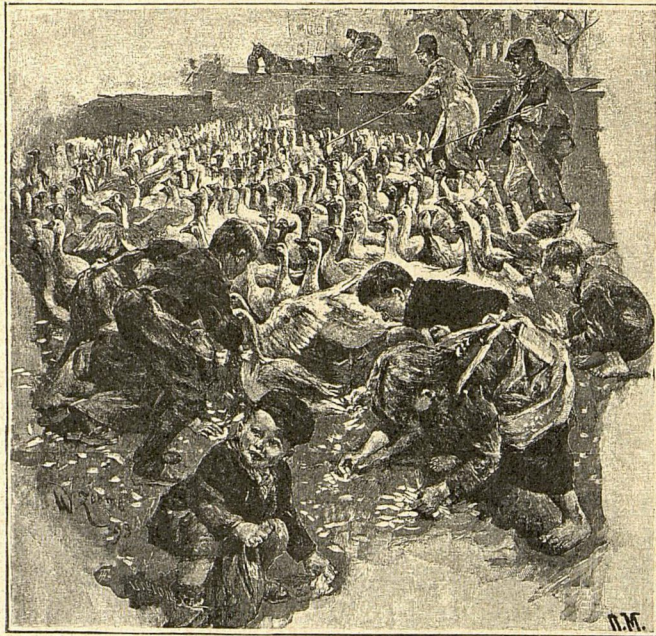
— Проживете, Богъ дастъ!— серьезно успокоительно замѣтилъ Конрадъ.— Вотъ перьевъ наберемъ,— сколько выручимъ-то!.. Однако, пойдёмъ поскорѣе на Гусиную площадь, а то тамъ насъ не будутъ ждать.

— А что твой отецъ?— спросила Гретхенъ.

— Боленъ. Ну, мы съ нимъ вдвоемъ—мужчины, намъ не страшно!—важно сказалъ мальчикъ.—Ничего, уладится все, Богъ дастъ.

Дѣти прибавили шагу и вскорѣ были уже на такъ называемой гусиной площади.

Здѣсь была страшная толкотня. Люди, дѣти, лошади, телѣги и гуси—все это перемѣшалось въ одну кучу. Говорь,

смѣхъ, возгласы, ржанье лошадей и рѣзкій, неприятный крикъ гусей—могли бы ошеломить всякаго. Но Конрадъ и Гретхенъ, по видимому, были привычны къ этому. Они быстро протискались въ толпу своихъ сверстниковъ-дѣтей, которыя, кто на корточкахъ, кто на колѣняхъ, привычными руками, быстро подбирали пухъ и перья съ земли.

Мостовая здѣсь вся была сплошь усыпана пухомъ и перьями, какъ ковромъ.

Сюда ежедневно привозятъ изъ окрестныхъ деревень и селе-

ній гусей; ихъ пригоняють цѣлыя партіи, и здѣсь ихъ продають гуртомъ, перегружаютъ и сортируютъ. Гуси при этой суматохѣ теряють очень много перьевъ. А этимъ пользуются дѣти бѣдняковъ: они собирають перья и продають ихъ.

— Скорѣе, Грета, скорѣе, — торопилъ Конрадъ, — ты сегодня какая-то вялая.

И Грета поспѣшнѣе принимается подбирать перья, а голова ея все ниже опускается, она хочетъ скрыть слезы на глазахъ отъ Конрада, но мальчикъ все видитъ.

— Ты плачешь, — говоритъ онъ, — перестань. Дѣло уладится. И бабушка выздоровѣетъ, и деньги у васъ будутъ.

Вечерѣтъ. Дѣти начинаютъ расходиться по своимъ угламъ, нагруженные добычей.

Грета и Конрадъ медленно идутъ домой съ полными корзинами перьевъ и пуха. Они оба порядкомъ устали. Да и пообѣдали-то плохо, наскоро, — одной картошкой да хлѣбомъ.

— Зайдемъ къ намъ, — говоритъ Грета у дверей своего дома.

— Зайдемъ. вмѣстѣ разберемъ нашу добычу.

Вечеръ. Дѣти поужинали и сидятъ на полу передъ затопленной печкой. Въ углу на кровати лежитъ больная старуха, бабушка Греты. Мать Греты работаетъ у стола. Дѣти заняты работой: они разбирають перья, раскладывая ихъ по сортамъ.

Когда побольше наберутъ, такъ снесутъ старому дядѣ Клаусеню, который скупаеть эти перья — получше по 1 р. 20 к. за фунтъ, похуже — по 50 копеекъ.

— Совсѣмъ забыла, Грета, — сказала вдругъ мать: — давеча заходилъ самъ дядюшка Клаусень, взялъ перья и сейчасъ и деньги за нихъ заплатилъ. Оказалось три фунта. Хорошій человекъ, — говоритъ: „Вамъ теперь деньги нужны. Я потому самъ и зашелъ!..“ Теперь, слава Богу, немного мы поправимся.

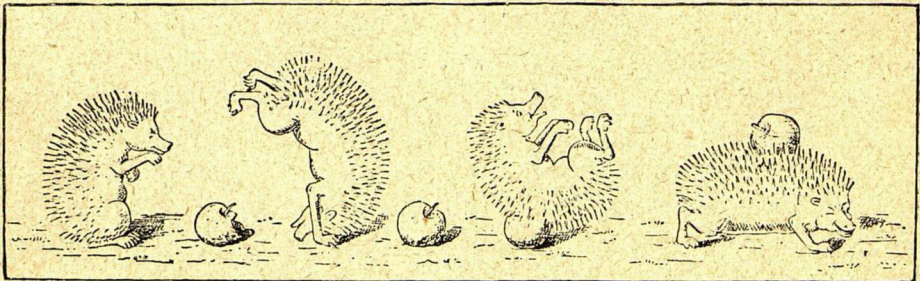
Грета слушаетъ, вся раскраснѣвшаяся отъ радости, а Конрадъ шепчетъ ей:

— Ну, вотъ, я говорилъ тебѣ, что все мало-по-малу уладится. Часовъ въ десять Конрадъ собирается домой. Онъ почти каждый день заходить къ Гретѣ. Мальчика здѣсь жалбуютъ и любятъ, зная, что они съ отцомъ живутъ въ страшной бѣдности. Дорогой Конрадъ находитъ въ карманѣ только большой кусокъ хлѣба, намазанный масломъ.

— Опять Грета положила, — шепчетъ про себя маленькій труженикъ, — ну, вотъ и поужинаетъ отецъ. А завтра мать Греты продастъ наши перья, и мнѣ достанется рубля два. Ничего, проживемъ, только бы папа скорѣе выздоровѣлъ.

И бодрѣе шагаетъ мальчикъ, и веселѣе му на сердцѣ. А завтра онъ встанетъ еще раньше, и они съ Гретой раньше выйдутъ на работу! Помогай имъ Богъ!

А. Дор—въ.

Ежъ и яблоко.

(ШУТКА.)

Ежъ хитрый яблоко сыскалъ
И долго лапки потиралъ:

— „О, — молвилъ, — это вотъ чудесно!

„Но какъ снесу я, — неизвѣстно!..“

Э! полно, — не сплоскаешь, ежъ! —
Ты сыщешь средство! — Глядь,
и что жъ —

Вдругъ кувырнулся онъ фигляр-
ромъ

Чрезъ яблоко, да и недаромъ:
Всѣ иглы въ яблоко впились,

И онъ понесъ его на спинкѣ.

Вотъ на ежа и подивись,

Бредеть онъ важный на картинкѣ.

О. Я.